

А.С. Трачевский

**Союз князей и немецкая
политика Екатерины II,
Фридриха II, Иосифа II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.С. Трачевский**
оюз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II / А.С.
Трачевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 532 с.

ISBN 978-5-458-12486-7

Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II.
1780-1790 гг.

ISBN 978-5-458-12486-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Фридрихъ II и его нѣмецкая политика.

Еще наканунѣ большой французской революціи, германскій вопросъ замѣтно уже выступалъ на первый планъ въ исторіи, и, еслибы не міровой переворотъ во Франціи, онъ сталъ бы уже тогда душой европейской политики, какъ въ наше время. Такое важное его значеніе зависѣло отъ свойствъ священной римско-нѣмецкой имперіи. Эта механическая гряда мелкихъ государствъ, живой примѣръ феодализма, нарушала политическій строй Европы. Среди жгучихъ потребностей новаго времени, и не только государственныхъ, но также эконолическихъ и общественныхъ, въ разгаръ «просвѣщенія» съ его борьбой противъ старыхъ предрассудковъ, становилось невозможнымъ явленіе, задачей котораго была задержка національнаго развитія одного изъ важнѣйшихъ племенъ въ Европѣ.

Это было до того очевидно, что даже у нѣкоторыхъ фюрстовъ (какъ мы увидимъ ниже) проглядывало робкое стремленіе выдти изъ столь неестественнаго положенія. Но они не могли сами разрѣшить такую сложную и, можно сказать, европейскую задачу. Фюрсты отчасти были безсильны для такого переворота, вслѣдствіе своего разногласія и соперничества, отчасти же были лишены высшихъ качествъ, благодаря своему невѣжеству, легкомыслію и рутинѣрству. Чувствуя свое ничтожество и опасаясь потерять то, что у нихъ было, фюрсты невольно обращались въ упорныхъ консерваторовъ. Они поднимали тревогу на всю Европу, какъ только имъ казалось, что нарушается малѣйшая буква «имперской конституціи», обезпечивавшей ихъ права или, какъ они выражались, «свободу отечества».

Итакъ, коренное преобразование Германіи въ духѣ новаго времени не могло быть плодомъ внутренняго развитія священной

римско-нѣмецкой имперіи. Оно должно было пріистечь изъ внѣшняго переворота, тѣмъ болѣе, что фюрсты, не исключая и самыхъ крупныхъ, постоянно опирались на какую-нибудь иностранную державу. Правда, непримѣрно-глубокое чужеземное вліяніе внушало большія опасенія, и Германія много пострадала отъ слишкомъ близкаго и долгаго участія Франціи въ ея дѣлахъ. Быть можетъ, ей даже угрожала бы судьба Польши, еслибы ее не спасли исключительныя и крайне своеобразныя условія, коренившіяся въ ней самой. Раздѣлъ Германіи не могъ совершиться, пока въ ней существовали такія сильныя, *европейскія* державы, какъ Австрія и Пруссія, чьихъ исторія обязывала, во имя ихъ собственныхъ интересовъ, сохранять нѣмецкую націю.

Сначала національная роль, въ теченіи столѣтій, принадлежала Австріи безраздѣльно. И, въ силу обстоятельствъ, эта держава, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, способствовала соблюденію независимости нѣмцевъ. Но она не умѣла упрочить за собой вліяніе въ Германіи и овладѣть ея будущностью. Сама хранительница преданій, образецъ застоя и фанатизма, притомъ держава далеко не вполне нѣмецкая по народности, Австрія не могла вывести Германію на новый путь. Габсбурги сами стояли во главѣ ея феодальнаго наряда, въ качествѣ римско-нѣмецкихъ императоровъ. Какъ ни ничтожна была ихъ власть надъ фюрстами, получившими верховныя права по Вестфальскому миру, они извлекали изъ нея свои династическія выгоды и потому дорожили ею. Опасаясь утратить ее при первой попыткѣ къ кореннымъ преобразованіямъ въ имперіи, которыя къ тому же не подходили къ ихъ крайне-консервативному характеру, они, подобно фюрстамъ, стояли за сохраненіе имперской конституціи. При вялости и недалекости Габсбурговъ, превращеніе князей въ австрійскихъ подданныхъ представлялось имъ хотя и въ приятной, но въ отдаленной и случайной перспективѣ.

Съ появленіемъ Пруссіи, какъ европейской державы, германскій вопросъ вышелъ изъ вѣкового застоя и получилъ новую постановку, а при Фридрихѣ II сталъ самою живою и самою важною задачею европейской политики. Пруссія—противоположность Австріи, какъ по своей природѣ, населенію и исторіи, такъ и по своему общественному и политическому строю. Это страна чисто-нѣмецкая и свѣжая. Она не связана съ феодальными и іерархическими преданіями, доступна умственнымъ движеніямъ, и въ ней рано утвердились основы новой исторіи—монархизмъ, военная сила, среднее сословіе. Самое появленіе Пруссіи было протестомъ противъ принциповъ священной римско-

нѣмецкой имперіи; и Гогенцоллерны, съ ихъ протестантизмомъ и воинственностью, съ ихъ энергіей и трудолюбіемъ, были олицетвореніемъ этого протеста. Въ своемъ непреклонномъ и пыломъ стремленіи къ европейской роли, они должны были пробивать себѣ дорогу среди остатковъ средневѣковой старины въ Германіи. И чѣмъ даровитѣе, чѣмъ отважнѣе былъ Гогенцоллернъ, тѣмъ искреннѣе презиралъ онъ нѣмецкую имперію, ненавидѣлъ ея императора. У Фридриха II, въ пору его юношеской горячности, эти чувства проявлялись въ сарказмѣ, противномъ дипломатическому поведенію вѣнценосцевъ.

Историческая жизнь Пруссіи текла своимъ особеннымъ русломъ, отдѣльно отъ жизни Германіи. Гогенцоллерны не могли, да и не желали приладиться къ имперскому быту, и потому имъ всегда трудно было снискать расположеніе имперскихъ чиновъ. Фюрсты ненавидѣли и боялись ихъ, какъ революціонеровъ, грозящихъ погибелью «свободѣ отечества». Въ случаѣ необходимости, они скорѣе готовы были превратиться въ подданныхъ Габсбурга, озареннаго сіяніемъ древнихъ вѣнцовъ, чѣмъ подчиниться игу дерзкаго выскочки — своего брата, курфюрста бранденбургскаго. Сравнительно съ приверженцами Австріи, или «цезаріанцами», склонная къ Пруссіи партія «конфедератовъ», или «курфюрстіанцевъ», была ничтожна, да и та придерживалась Гогенцоллерновъ лишь изъ страха передъ Габсбургами, а въ душѣ питала такіе же замыслы, какъ «особняки» (*Sonderbundespartei*), мечтавшіе о независимомъ княжескомъ союзѣ для отпора властолюбивымъ стремленіямъ и Вѣны, и Берлина.

Фридриху II было труднѣе, чѣмъ кому-либо, привлечь къ себѣ фюрстовъ, тѣмъ болѣе, что онъ вначалѣ руководился исключительно прусской политикой. Этотъ «молодой, честолюбивый воярь, желавшій получить все или ничего»¹⁾, еще будучи кронпринцемъ, мечталъ овладѣть Германіей, посредствомъ брака съ Маріей-Терезіей. Вступивъ на престолъ, онъ рѣшился сразу подорвать имперскій народъ, отнявъ у Габсбурговъ руководящую роль въ Германіи. Еще не смѣя самъ захватить императорскую корону, онъ доставилъ ее ничтожному Виттельсбаху, Карлу VII,

¹⁾ Собственныя слова Фридриха: *Oeuvres de Frédéric le Grand* (изданіе берлинской академіи наукъ, 1846—1856 г., подъ редакціей *Preuss'a*), II, 48; cf. 51, 53, 56. Въ перепискѣ съ друзьями, Фридрихъ выставлялъ слѣдующія свои побужденія къ силезскимъ войнамъ: *le feu des passions, le désir de la gloire, la curiosité même, un instinct secret, la satisfaction de voir mon nom dans les gazettes et ensuite dans l'histoire; также желаніе — régler la figure de la Prusse, le contour n'en sera pas tout à fait régulier. Ibid.* XVII, 91; XVIII, 23.

и въ то же время (1742), чувствуя свое безсиліе поддержать его, къ своему собственному изумленію выказалъ нѣмецкій патриотизмъ ¹⁾. Фридрихъ задумалъ образовать «ассоціацію имперскихъ округовъ» съ нейтральной арміей, которая прикрывала бы Баварію. Но, по его собственнымъ словамъ, «это дѣло не состоялось, вслѣдствіе рабскаго страха фюрстовъ передъ австрійскимъ домомъ: венгерская королева пригрозила — и фюрсты затрепетали, а сеймъ не хотѣлъ ничего рѣшать. Еслибы Франція поддержала этотъ планъ нѣкоторой суммой, розданной своевременно, то онъ удался бы». Фридрихъ не легко отказывался отъ своихъ замысловъ. Въ теченіи мирнаго года, раздѣлявшаго первую силезскую войну отъ второй (1743), онъ рѣшился самъ переговорить съ фюрстами, «не видя другого средства» къ поддержанію своей креатуры. Подъ предлогомъ посѣщенія своихъ франконскихъ родственниковъ, Фридрихъ совершилъ путешествіе по нѣкоторымъ мелкимъ государствамъ Германіи. Но «всѣ искупленія, всѣ доводы и извѣщенія оказались тщетными. Энтузіастическіе друзья австрійскаго дома готовы были погибнуть за него, а приверженцы императора (Карла VII) были до того запуганы его великими несчастіями, что опасались, помогая ему, потерять свои владѣнія». Вслѣдъ загѣмъ Фридрихъ сдѣлалъ третью попытку устроить союзъ Пруссіи съ имперскими князьями. Онъ обратился къ фюрстамъ гессенскому, вюртембергскому, кельнскому, пфальцскому и епископу бамбергскому. Но «нужно было купить ихъ содѣйствіе: нѣтъ денегъ, нѣтъ тебѣ и фюрста! А Франція не хотѣла и слышать о выдачѣ субсидій». Третья неудача не сломила упорства Фридриха. Тотчасъ же послѣ того, два дипломата, одинъ прусскій, другой французскій, — начертали планъ «ассоціаціи имперскихъ округовъ»; но такъ какъ это были «педанты, работавшіе по всѣмъ правиламъ формалистики», то ихъ «тяжелое и неуязвимое твореніе забыто было тотчасъ послѣ прочтенія». А въ 1744 году, наканунѣ второй силезской войны, образовалась-таки «франкефуртская лига для защиты имперской системы, ея свободы и главы»: въ нее входили Пруссія, императоръ, Куръ-Пфальцъ и Гессенъ-Кассель. Впрочемъ, лига распалась въ слѣдующемъ же году, вслѣдствіе смерти Карла VII, разрушившей всѣ нѣмецкіе планы Фридриха, такъ какъ куръ-

¹⁾ Собственная слова Фридриха: „Je n'ai jamais cru autrefois que j'étois un si bon patriote comme je suis en effet“. *Droysen: Geschichte der preussischen Politik.* 1855—1874. V, 151.

Фюрстъ саксонскій, которому онъ предложилъ императорскую корону, отказался отъ нея—и она снова перешла къ Габсбургамъ ¹⁾).

Теперь только Фридрихъ, разочаровавшись въ своей надеждѣ сдѣлать имперію орудіемъ прусскихъ плановъ, рѣшился полагаться лишь на свой мечъ, и въ его кружкѣ уже слышались восторженные рѣчи о «завоеваніи всей Германіи и соединеніи ея въ одно государство, о полномъ низверженіи имперской конституціи, о вступленіи прусскаго короля на императорскій престолъ» ²⁾).

Блестящіе военные успѣхи Фридриха, конечно, содѣйствовали популярности въ нѣмецкомъ обществѣ, точно также какъ и его участіе въ «просвѣщеніи», но въ политическихъ кругахъ они возбуждали страхъ и недовѣріе къ гогенцоллернской системѣ. Сверхъ того, непосильныя войны хотя и выдвинули Пруссію на первый планъ въ Германіи, но только на ряду съ Австріей, а не выше ея; между тѣмъ онъ до того истощилъ небольшую и бѣдную Пруссію, что самъ Фридрихъ называлъ ее «человѣкомъ, продыравленнымъ ранами» ³⁾. Вотъ причины, по которымъ въ политикѣ Фридриха произошелъ крутой поворотъ. Придерживаясь правила, что «съ измѣненіемъ нашихъ интересовъ и мы должны измѣняться» ⁴⁾, Фридрихъ вдругъ перешелъ въ оборонительное положеніе; цѣлью его стало сохраненіе мира; онъ превратился въ непреклоннаго консерватора. Чтобы удержаться на высотѣ, завоеванной мечомъ, Фридрихъ посвятилъ вторую половину своего царствованія, начиная съ Губертбургскаго мира (1763—1766), изысканію средствъ къ дипломатической борьбѣ съ Австріей. Онъ началъ подражать Габсбургамъ и даже обнаружилъ готовность вовлечь иностранныя державы во внутреннія дѣла Германіи. Мало того. Онъ превратился въ защитника имперскаго наряда, заговорилъ о нѣмецкихъ интересахъ, о

¹⁾ *Oeuvres de Frédéric*, II, 141; III, 24, 39, 54.—*Ranke*; Neun Bücher preussischer Geschichte. 1847. III, 290.

²⁾ Любимецъ и довѣренное лицо Фридриха II, генералъ фонъ-Винтерфельдтъ надѣлся, въ 1757 году, что Пруссія можетъ „ganz Deutschland zu erobern und durch Vereinigung zu Einem Staate dem Auslande gegenüber widerstandsfähig zu machen“. Онъ мечталъ „in weniger als zwei Jahren die deutsche Reichsverfassung völlig umgestürzt und Friedrich auf dem Kaiserthron zu sehen“. *Schmidt*: Preussens deutsche Politik. 3-te Aufl. 1867. I, 22.

³⁾ *Oeuvres de Frédéric*, VI, 4; cf. 5, 75 sq., V, 4 sq., 233. То же выходитъ по свидѣтельству нашего архива. Остерманъ часто спрашивалъ нашего посланника въ Берлинѣ, Долгорукаго, объ экономическомъ состояніи Пруссіи, и тотъ всегда отвѣчалъ, что оно весьма плохо и что въ особенности печально положеніе торговли, стѣсняемой авцизмами и т. п.

⁴⁾ См. предисловіе къ его *Histoire de mon temps*: *Oeuvres*, II t., p. XVI.

«свободѣ отечества», о неприкосновенности имперской конституціи, о святости и величіи Вестфальскаго мира ¹⁾.

Этому превращенію въ нѣмецкой политикѣ прусскаго героя соотвѣтствовала перемѣна въ его характерѣ. Страшны портреты Фридриха въ старости, съ ихъ поблекшими чертами, ярко освѣщенными зловѣщимъ блескомъ хорошо сохранившихся глазъ. Въ избранную нами эпоху, дѣйствительно, оставалась одна тѣнь героя силезскихъ войнъ. Фридрихъ переживалъ седьмой десятокъ. Его посѣщали тяжкіе припадки подагры. Безсердечный, капризный, скупой и подозрительный старикъ, онъ сталъ въ тягость себѣ самому, не терпѣлъ противорѣчій и оскорблялъ вѣрѣвшихъ своихъ сотрудниковъ вѣчнымъ недовольствомъ. «Здѣсь,—говоритъ его главный помощникъ,—просто нельзя имѣть собственнаго мнѣнія... Никто не смѣетъ дѣлать *ему* никакихъ предложеній: какъ разъ не угодишь!.. Признательность меньше всего входитъ въ кругъ его добродѣтелей» ²⁾. Впрочемъ, Фридрихъ ворчалъ и на весь «презрѣнный», по его словамъ, міръ. «Великій Боже!—восклицалъ онъ, перебирая въ своемъ умѣ европейскихъ государей:—отъ кого зависитъ судьба людей!.. Соломонъ не зналъ этого свѣта: еще много глупостей останется на долю нашимъ внукамъ... Какъ рѣдко встрѣтишь у людей здравый смыслъ, и сколько глупостей заставляютъ ихъ дѣлать страсти». Фридрихъ подходилъ на отставнаго моряка, который съ ужасомъ всматривается въ волнующееся море, припоминая пережитыя бури. Онъ чувалъ, что «европейская политика въ особенномъ смятеніи», что «близокъ кризисъ, и вскорѣ элементы займутъ мѣста, каждый по своему вѣсу». Онъ даже предвидѣлъ, что гроза разразится съ востока: «императрица начнетъ открытую войну, а аварскій цезарь (Иосифъ) станетъ переговариваться съ турками»... А что же станетъ дѣлать Пруссія, при тѣхъ «чрезвычайныхъ явленіяхъ, которыя возникнуть,—стбить только потерпѣть немного?». «Мое время прошло, и скоро окончится короткій путь, лежащій передо мною», говоритъ Фридрихъ, и въ его воображеніи проносятся ужасное воспоминаніе о Семилѣтней войнѣ, принадлежащей къ числу «тѣхъ опасностей, отъ которыхъ спасаешься только чудомъ»: Задачей Фридриха окончательно становится «долгъ, помышляя о счастіи своей страны, всячески избѣгать» подобныхъ

¹⁾ Этотъ новый взглядъ Фридриха любопытно выразился въ его совѣтахъ профессорамъ исторіи. См. его статью „О нѣмецкой литературѣ“, написанную въ 1780 г., *Oeuvres*, VII, 115.

²⁾ Письма Герцберга Герду. *Götting. Denkwürdigkeiten*. 1827. I, 356 sq.

катастрофѣ, не жалѣть ничего для этого, «хотя бы и мало было надежды на успѣхъ»... «Буду, — размышлялъ онъ, — придерживаться правила Августа — *festina lente* (спѣши потихоньку), буду сохранять спокойствіе и поджидать приближенія событій... Вотъ, говорить, Англія и Франція примирятся: тогда востокъ занималъ бы насъ меньше». И передъ Фридрихомъ, какъ передъ равнодушнымъ зрителемъ, разыгрывалась великая драма исторіи; событія совершались безъ его участія, и иногда до него доходили лишь запоздалыя извѣстія о нихъ. Безъ стараго Фрица воевали и замирались на крайнемъ западѣ, безъ него завершилась и новая эпоха въ развитіи восточнаго вопроса. И совершенно спутанный Екатериной, онъ спрашивалъ своего петербургскаго посланника: «что, я все еще въ союзѣ съ Россіей, или нѣтъ?»¹⁾

Фридрихъ никого не любилъ, ничему не вѣрилъ — и ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ былъ одинокъ въ политикѣ и не смѣлъ расторгнуть связей съ своей «коварной» союзницей, Екатериной, «такъ какъ нигдѣ не находилъ замѣны имъ». Онъ былъ одинокъ и у себя. Приближенные негодовали на его неблагодарность. Въ королевской семьѣ господствовалъ разладъ. Дѣти не окружали постели больного старика. Родной братъ, Генрихъ, и племянникъ, кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, нетерпѣливо поджидали важную «эпоху», взвѣсивая ея значеніе въ своихъ насльдственныхъ расчетахъ²⁾. Молодой дворъ составлялъ тайную оппозицію старому, то подсмѣивался надъ нимъ, то негодовалъ. Онъ уже силится, за спиной Фридриха, схватить бразды правленія, и иностранные агенты уже оборачивались отъ угасающаго свѣтила къ восходящему.

Характеристика Фридриха въ старости дорисовывается его отношеніями къ своимъ главнымъ помощникамъ, — кабинетъ-министрамъ³⁾ Герцбергу и Финкенштейну.

Въ этихъ двухъ лицахъ, стоявшихъ подлѣ Фридриха почти во все его царствованіе, какъ-бы воплощались два Фрица — молодой и старый. Герцбергъ былъ лѣтъ на тридцать моложе Фридриха. Онъ родился въ Помераніи, въ неизвѣстности, и достигъ

¹⁾ См. любопытныя письма Фридриха къ племяннику, герцогу брауншвейгскому, напечатанныя у *Ranke*: Die deutschen Mächte, II, 240—250.

²⁾ Герцбергъ герцогу брауншвейгскому, у *Шмидта*: Gesch. der Unionsbestrebungen, I, 25.—Юсифъ II Кауницу. *Beer*: Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. 1873, p. 97.

³⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ называлось въ Пруссіи *Kabinetts-Ministerium*. Со времени Фридриха-Вильгельма I оно состояло обмененоно изъ двухъ или даже трехъ министровъ.

высшаго поста въ Пруссіи лишь своими дарованіями и трудолюбіемъ. Въ этой, съ виду не блестящей и даже угловатой, личности жила пылкая, гордая и честолюбивая душа. Рано задумавъ выдвинуться изъ толпы, Герцбергъ со страстью началъ готовиться въ политическому попришу и основательно изучилъ государственныя науки. Никому въ Пруссіи не были до такой степени извѣстны отношенія европейскихъ державъ, какъ ему; а въ знаніи нѣмецкой исторіи и дипломатіи онъ могъ поспорить съ пресловутыми ганноверскими законниками. Его перо, которое обыкновенно служило Фридриху для оправданія передъ свѣтомъ, славилось всѣми тонкостями имперской казуистики, и онъ любилъ погружаться въ послѣднія: отъ него осталось много мемуаровъ и дипломатическихъ сборниковъ. Фридрихъ дорожилъ свѣдущими и способными людьми, и умѣлъ находить ихъ. Герцбергъ еще молодымъ попалъ въ его кабинетъ-министерство, и прежде всего привелъ въ образцовый порядокъ тайный архивъ. Впрочемъ, его значеніе начинается лишь съ Семилѣтней войны, когда его ловкое перо много послужило отважному мечу Фридриха: имъ былъ заключенъ и Губертсбургскій миръ, причемъ Фридрихъ возвелъ его въ званіе втораго министра иностранныхъ дѣлъ, которое онъ сохранялъ и при слѣдующемъ королѣ. Съ этихъ поръ въ прусскомъ министерствѣ словно поселился духъ юнаго Фрица, не дававшій покоя дряхлѣвшему королю. И чѣмъ болѣе увлекался Фридрихъ миролюбіемъ и впадалъ въ апатію, тѣмъ усерднѣе работалъ, сутулится, сочинялъ проекты его неутомонный министръ. Не даромъ Фридрихъ называлъ Герцберга своимъ ученикомъ въ дипломатіи. Этотъ поммеранецъ оказался истымъ пруссакомъ. Онъ обнаружилъ крайнюю самоувѣренность и высокомеріе, приписывая себѣ всѣ важныя идеи, не исключая и союза князей ¹⁾. Онъ не хотѣлъ выжидать событій и искалъ случая ринуться на встрѣчу опасностямъ. Его увлекала роль героевъ, о которыхъ онъ читался въ исторіи, а свѣжіе лавры Пруссіи внушали ему увѣренность въ успѣхъ громкихъ мѣръ; въ тому же, онъ былъ убѣжденъ, что «отъ времени до времени война составляетъ потребность для Пруссіи, чтобы не отвыкнуть отъ нея и постоянно оживлять патріотическое чувство» ²⁾. Могущество и

¹⁾ *Schmidt*: Preussens deutsche Politik, 31.

²⁾ *Dohm*: Denkwürdigkeiten, 1814—1819. I, 80.—Тутъ Герцбергъ сходится во взглядъ съ Иосифомъ II, который былъ убѣжденъ, что Пруссія, вслѣдствіе своихъ фивическихъ и общественныхъ условий, должна постоянно находиться въ движеніи. „Правительство и его интересы—говорилъ онъ—дѣлаютъ ее воинственной: для нея миръ—медленная, гложущая и иссушающая ее лихорадка“. *Testament politique de l'Empereur Joseph II*. 1791. II, 78.

слава Пруссіи сдѣлались его кумиромъ. Герцбергъ постоянно мечталъ о томъ, какъ-бы что-нибудь «прибавить» къ Пруссіи и заставить Европу служить этой цѣли. Его дипломатической идеей была безконечная борьба съ Австріей и Россіей и та опека надъ Турціей, Польшей и Швеціей, которая ничего не оставляетъ сиротамъ ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ онъ примкнулъ къ «патріотамъ», былъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ, заводилъ интриги среди мелкихъ германскихъ дворовъ. Словомъ, Герцбергъ сталъ душой молодого двора и партіи дѣйствія въ Потсдамѣ ²⁾. Онъ доучалъ Фридриху своими смѣлыми мнѣніями, которыхъ тотъ не спрашивалъ, спорилъ съ нимъ, старался всячески вовлечь его въ новую войну съ Австріей. Его настойчивость была тѣмъ болѣе тягостна, что онъ не отличался придворными манерами, говорилъ прямо и запальчиво. Нерѣдко Фридрихъ выходилъ изъ себя и грубо останавливалъ министра-«патріота».

Конечно, Герцбергъ еще менѣе стѣснялся съ своимъ товарищемъ, графомъ Финкенштейномъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ свое внутреннее превосходство надъ нимъ, а занималъ второе послѣ него мѣсто въ министерствѣ. Если значеніе Герцберга при дворѣ основывалось на его необходимости, то графъ держался личными связями съ королемъ и своими придворными свойствами. Потомукъ знатнаго и богатаго рода, Финкенштейнъ былъ сверстникъ Фридриха и товарищъ его по воспитанію. Онъ смолоду предназначался къ дипломатической карьерѣ, и до 40-лѣтняго возраста уже перебивалъ посланникомъ при многихъ дворахъ, въ томъ числѣ въ Петербургѣ. Съ 1749 года онъ занималъ должность второго, а съ 1760-го—перваго кабинетъ-министра. Карьера графа, какъ придворнаго аристократа, дѣлалась сама собой, и вся его жизнь протегла спокойно, обычной колеей, благодаря его характеру. Вопреки своей чисто прусской крови, Финкенштейнъ былъ олицетвореннымъ миролюбіемъ, благоразуміемъ, осторожностью, близкою къ апатіи. Это—Фридрихъ въ старости. Примѣняя извѣстное выраженіе о министрахъ Анны Юльиовны, можно сказать, что въ кабинетъ-министерствѣ Фридриха Герцбергъ изображалъ собой душу, а его товарищъ—тѣло. Но это было истинно-аристократическое тѣло. Финкенштейнъ былъ образцомъ вельможи. Привлекательная внѣшность, великосвѣтскія манеры, отсутствіе оригинальности, тонкое пониманіе

¹⁾ *Sybel: Geschichte der Revolutionszeit, 2-te Aufl. 1859. I, 174.*

²⁾ Многіе, не исключая и принцевъ крови, приписывали войну за баварское наследство искусству, съ которымъ Герцбергъ будто-бы толкнулъ въ нее Фридриха. *Dohm, I, 351.*

людей въ видахъ лести и угодливости—вотъ свойства, которыя дѣлали приятнымъ, при всѣхъ дворахъ, и его личное присутствіе, и изящныя произведенія его легкаго дипломатическаго пера. Эти качества графа особенно проявлялись въ сношеніяхъ съ королемъ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Финкенштейнъ потворствовалъ всѣмъ слабостямъ Фридриха, не смѣлъ имѣть своего мнѣнія передъ нимъ и былъ лишь послушнымъ исполнителемъ его воли. Одинъ сослуживецъ графа такъ выразился о немъ съ неподражаемой наивностью: «король питалъ большую склонность и довѣріе къ нему, которое министръ постоянно поддерживалъ тѣмъ, что съ ловкостью царедворца подхватывалъ каждую мысль и каждое желаніе монарха. Совѣты его имѣли тѣмъ болѣе вѣса, что онъ давалъ ихъ только когда его спрашивали»¹⁾.

Чѣмъ ближе къ описываемому времени, тѣмъ больше Финкенштейнъ пользовался милостивымъ расположеніемъ короля, а Герцбергъ становился противенъ ему. Съ послѣднимъ Фридрихъ избѣгалъ личныхъ сношеній. Когда нужно было словесно переговорить съ министерствомъ, онъ звалъ въ Потсдамъ не его, а Финкенштейна; его кабинетныя записки графу любезны, деликатны, а Герцбергу—повелительны, иногда даже грубы и съ замѣчаніями. Герцбергъ ни разу не получилъ отъ короля цѣннаго подарка, и даже его грудь не была украшена орденомъ Чернаго Орла, къ соблазну всего прусскаго общества. Этотъ орденъ собственноручно возложилъ на него Фридрихъ-Вильгельмъ II, передъ трупомъ Фридриха, съ словами: «первымъ дѣломъ моего царствованія должна быть уплата долга покойника». Тогда же Герцбергъ былъ возведенъ въ графское достоинство²⁾.

Характеръ Фридриха въ старости поясняетъ указанное выше превращеніе въ его политику. Понятно, что въ его глазахъ тѣсная связь съ имперіей становилась единственнымъ спасеніемъ Пруссіи. Идея, съ которой Фридрихъ началъ свое царствованіе, воскресла съ новою силой въ концѣ его историческаго поприща. Если прежде онъ покинулъ ее съ презрѣніемъ, послѣ первыхъ неудачъ, то теперь она казалась ему необходимою, ради которой должно было жертвовать многимъ, начиная съ собственнаго самодобія. И вотъ, весной 1778 года, Фридрихъ приказываетъ своимъ министрамъ «работать надъ образованіемъ союза благонамѣренныхъ князей», съ цѣлью «говорить за-одно и про-

1) *Dohm*, I, 77.

2) Тамъ же, IV, 544.